

Он машинально ущипнул себя, пытаясь понять, было ли вчерашнее событие реальным или просто сном. Он не мог вспомнить, подавал ли он воду старику Шао, и говорил ли тот что-то ему шепотом. Но слабый стон умирающего Пса звучал так явственно, что сомнений не оставалось... Что же из этого было правдой?

Нахмурившись, он взглянул на стакан воды, всё ещё стоявший у кровати, и, осознав реальность происходящего, прикрыл рот рукой. Нос защекотало, и слёзы сами собой потекли по щекам.

— Ах, это правда.

По деревенскому обычаю, старика Шао похоронили в земле. Его последним пристанищем стало просторное пшеничное поле, усыпанное сухими стеблями сорняков. Среди них одиноко возвышался небольшой холмик могилы диаметром около трёх метров, у подножия двух холмов, на склонах которых виднелись несколько нор разного размера, оставленных грызунами.

Старик Шао тихо покоился внутри, без памятника, как безымянная могила, которая весной станет препятствием для сеялки, вынужденной обходить её стороной.

В доме алтарь для поминовения был устроен крайне скромно. В центре стола стояла фотография старика Шао на синем фоне. Шао Ицянью с недоумением уставился на неё — когда же её сделали? Он не мог вспомнить.

Он обернулся к Янь Яню:

— Дядя, ты ведь всегда был рядом с ним. Ты видел, когда он делал эту фотографию?

Янь Янь, с опухшими глазами, только ахнул:

— Не знаю...

Шао Ицянью вдруг почувствовал, как гнев поднимается в нём. Взрослые казались ему отвратительными — всё делали тайком: и гроб мастерили, и погребальные одежды шили, и даже фотографию для поминовения сделали без его ведома.

Они подготовились к уходу, но не оставили ни слова, оставив его в полном смятении. Однажды утром он проснулся и узнал, что один из его близких уже лежит в гробу.

Хотя бы предупредили бы его заранее, чтобы он мог попрощаться достойно, а не так, в спешке и смятении.

Его охватила ярость, и он, не сдерживая себя, пнул алтарь, нападавая на всех вокруг:

— Это всё из-за тебя! С твоим появлением всё в нашем доме пошло наперекосяк! Сначала дедушка повредил руку, а потом и вовсе потерял жизнь! Ты — проклятие! Ты — злой рок для моего деда! Зачем ты вообще пришёл в наш дом?

Янь Янь покраснел, как спелый помидор, и задрожал от этих нелепых обвинений. Но он, будучи воспитанным в духе коммунизма, не верил в подобные суеверия. Внутренне он понимал, что Шао Ицянью просто срывает злость.

Но слова зашли слишком далеко.

Он крепко сжал губы и резко ответил:

— Врёшь! Я не такой! Учитель говорил, что «рождение, старость, болезнь и смерть» — это естественный ход вещей. Ты не можешь, из-за собственного горя, обвинять меня! Разве я хотел, чтобы дядя умер? Ты должен извиниться!

Бабушка Шао, занятая сортировкой траурной одежды, молча наблюдала за происходящим.

Она только что стала вдовой и размышляла, как справиться с новой ролью, поэтому пока не обращала внимания на этих двух ссорящихся детей. Однако её внимание привлекли слова Янь Яня.

Он стоял на табурете, вытирая пыль с алтаря, его детское лицо было красным от гнева, а руки дрожали. Но его слова были разумными, что доказывало, что он всё ещё держит себя в руках, несмотря на нападки Шао Ицяня.

Шао Ицянь же, как маленький хулиган, продолжал буйствовать. Он уже опрокинул алтарь, а теперь разбрасывал подушки и циновки, устраивая в комнате настоящий хаос. Его слова стали ещё более оскорбительными.

Новая вдова, заинтересовавшись происходящим, отложила свои дела, взяла котёнка с мягкой подстилки Пса и начала кормить его из бутылочки.

Она наблюдала за ссорой, находя в этом развлечение.

Шао Ицянь, неспособный справиться с эмоциями, искал любой повод, чтобы выплеснуть гнев. Его слова становились всё более резкими:

— Это ты! И не отрицай! Отрицание — это признание вины! Кто ещё, если не ты?

Янь Янь дрожал всё сильнее. Забыв, что стоит на табурете, он сделал шаг, потерял равновесие и упал лицом вниз. Поднявшись, он увидел, что левая сторона лица покрыта пылью, а из носа текла кровь.

Бабушка Шао наконец решила вмешаться, но...

Янь Янь сам поднялся с пола, вытер лицо и, глядя на Шао Ицяня, твёрдо произнёс:

— Я повторяю: извинись передо мной!

Обычно он был более сдержанным, но сегодня его поведение удивило бабушку. Она впервые увидела его настоящий характер и начала верить, что он действительно сможет стать примером для Шао Ицяня, показав ему, что такое уважение и смирение.

Ведь в этом мире, несмотря на его огромность, человек должен жить в определённых рамках. Выходить за них иногда — это исключение, но делать это постоянно — значит идти к гибели. Поэтому у каждого должен быть предел и уважение к окружающим.

Вдова, хотя и потеряла мужа, увлеклась этим спектаклем. Шао Ицянь был как бешеный пёс, а Янь Янь — его поводок. Вместе они представляли собой драму любви и ненависти, которая могла бы стать основой для настоящего сериала.

Шао Ицянь никого не боялся, и слова Янь Яня не произвели на него впечатления.

Он, казалось, считал, что его предыдущие действия и слова были недостаточно убедительными, и сделал паузу, чтобы собраться с мыслями. Затем, подняв голову, он с лёгкой

усмешкой произнёс:

— Слушай внимательно: я — Шао.

Эти слова стали последней каплей.

Янь Янь глубоко вдохнул, губы его побледнели, и он начал сильно кашлять, не в силах остановиться.

Бабушка Шао замерла, ожидая, продолжит ли Янь Янь настаивать на извинениях. Но он её разочаровал, лишь тихо пробормотав:

— Шао Ицянь, ты перешёл все границы.

Она вспомнила, что Янь Янь с детства был человеком, который не терпел повторных обид. В его характере была упрямая черта, которая проявлялась только в серьёзных ситуациях.

Она задумалась: смогут ли они действительно поддерживать друг друга?

Во дворе раздался громкий голос:

— Тётя! Мы пришли забрать оборудование с мельницы!

Шао Ицянь замер на мгновение, с удивлением глядя на бабушку, и вдруг взорвался:

— Ты слишком жестока! У деда тело ещё не остыло, а ты уже продаёшь его вещи. Разве в доме не хватает денег? Или места для этого оборудования?

<http://bllate.org/book/16843/1549698>